

ГОИГ

Газета о нашей гимназии

11 ноября 2013 года № 4 (187)

Здравствуй, племя младое, незнакомое!

Гумпрактика в Пушкинских Горах... Сердце каждого гуманитария любого года выпуска дрогнет и забьется сильнее при этих словах. Крещение Пушгорами проходит каждый ученик историко-филологического класса.

После почти годового погружения в жизнь и творчество Пушкина, в монографии Лотмана, в спектакли московских театров, где идут постановки по Пушкину, в историю создания памятников Пушкину в Москве, в стихи других поэтов о Пушкине пресыщенный гуманитарий попадает, наконец, в родовое имение Поэта. Конечно, недавнему восьмикласснику кажется, что он знает о Пушкине всё или почти всё. Поэтому его (чего уж тут скрывать!) больше интересует жизнь Заповедника, проза Довлатова, необычность жизни в палаточном лагере, работы по уборке сена в усадьбах, необычный вид учителей, которые и организуют им сельско-лесную жизнь с костерком, гитарой и вечно кипящимся чаем. Может, поэтому эссе нынешних гуманитариев о Пушгорах получились больше - о природе, о необычности быта, о друзьях и о «братьях наших меньших» (младшем братике нашей Арины, мужественном второкласснике, который и сам не унывал, и другим не давал).

Но с чем трудно поспорить, так это с тем, что дивное место - заповедник «Пушкинские Горы» - по-прежнему вдохновляет на творчество и философские беседы всё новые и новые поколения наших гимназистов.

«Здравствуй, племя младое, незнакомое!»

Елена Всеволодовна Терещенко, учитель русского языка и литературы

Пушкинские Горы

Поля, и нивы, и опять поля, леса.

Помню, во время нашей предыдущей поездки - в Грецию - первые дни открывающиеся пейзажи меня просто потрясли - нашим взорам открывались долины, горные массивы, ущелья, бескрайние просторы. Но потом, когда прошло какое-то время, они начали засорять глаз, все стали походить друг на друга.

Пушкинские Горы - совсем другое: каждый раз за поворотом природа будто распахивает перед тобой шкатулку с драгоценностями, будто обдаёт из ведра неожиданностью, ошеломлением. Ты стоишь, замерев, и не веришь своим глазам: «Как такое могло скрываться и вдруг возникнуть из ниоткуда?» Так я могу описать то, что происходило со мной каждый день, что мы были в заповеднике. Идёшь по лесу, выходишь на поляну, и кажется, что она возникла тут мгновение назад.

Что касается усадьбы Михайловское, то это место всего за несколько дней стало нам родным. Мне кажется, именно там мы прониклись тем самым «Пушкинским духом», о котором все говорили. Проходя раз за разом по одним и тем же тропинкам, видя одни и те же деревья и дома, мы немного приблизились к тому образу жизни, что Пушкин вёл, пребывая в ссылке в Михайловском. Каждый день перед тобой все одни и те же пейзажи, но каждый раз неизменно удивляешься и поражаешься им, они, как бездонная кладовая, все глубже и глубже заводят тебя в свои недра, подпуская к тому, самому важному - чувству слияния человека с природой, полного её осознания и приятия.

Если поначалу ты чужак - испуганно жмёшься к экскурсоводу, думаешь по большей части о том, как же хорошо было дома, мечтаешь о благах цивилизации, то потом проходит немного времени, и в тебе происходит необыкновенная перемена, которую ты сам и не замечаешь. Тебе уже кажется, что все люди, работающие в заповеднике, знакомы тебе много лет. Туристы, отвлекающиеся от рассказов экскурсоводов, как тебе кажется, поступают кощунственно, упуская свой, возможно единственный, шанс насладиться природой и хоть немного приблизиться к Поэту. А охранник, запрещающий сидеть на траве, и вовсе поражает: «Как же так? Мы же свои!» Как же приятно с гордостью осознавать: «Мы свои! Свои!» Значит, мы добились своей цели: приблизились, узнали, растворились!

Как было приятно в конце поездки осознавать, что та самая желанная цивилизация больше не вызывает никакой радости! Когда мы садились в автобус, меня обуревало какое-то странное чувство... не то тоска, не то досада - неужели все, что мы проделали, все километры, которые мы прошли,- все зря? Все было только для того, чтобы потом вернуться к обычной, скучной жизни?

Раньше я не понимала, что такое «романтика природы», но теперь мне понятно, что это вовсе не пошлая выдумка психотерапевтов, лечащих офисный планктон от стресса, заработанного в четырёх стенах, это настоящее, сильное, мощное чувство, овладевающее тобою целиком и полностью.

Это гармония в первую очередь с самим собой. У природы мы учимся быть самодостаточными – если в городе мы поглощаем огромное количество информации, уже переставая её воспринимать, не замечаем того, что находится у нас прямо под носом, привыкаем окружать себя всевозможными приборами, лишь бы сократить свои усилия, добиться пресловутого «комфорта», то природа просто не позволяет нам этой сомнительной роскоши. Здесь ты остаёшься наедине с собой, своими мыслями, со своей душой. И она начинает петь. Ты трогаешь те струны, о которых даже не подозревал. Сначала робко, когда «городские» мысли все ещё тревожат тебя. Потом все громче и громче. Вскоре эта музыка заглушает все вокруг, и ты вливаешься в окружающий мир. Это то чувство, которое люди скоро начнут терять совсем, закрываясь в своих капсульных мирах. Быть в потоке, плыть, идти, бежать в ногу со Вселенной.

Человек рождается один и умирает один. А может, это не так? Может, одиночество и вовсе невозможно? Как он может остаться один, если вокруг него весь мир?

Но вдруг я слышу, как кто-то зовёт к ужину. Раздаётся отдалённый смех. Огонь пляшет под тентом. Я открываю глаза, поднимаю голову, смотрю на закатное небо.

Завтра в новый путь, раздвигать старые границы, открывать новые звезды на старом небе...

Наташа Кукина, 9Г

К аллее Керн
To Kern's avenue

Мои впечатления от посещения имения Тригорское

Бабочка собралась перелететь с цветка на цветок. Осторожно развернув шоколадные с лиловыми крапинками крылья, поднялась в воздух - чуть-чуть, но стремительный ветер подхватил невесомое создание, покрутил над тенистыми аллеями и стих.

В господском доме царило оживление: то и дело слышался смех, волной расходящийся по всему дому. На зеленом сукне игрового стола появляются и исчезают какие-то цифры. Здесь не закладывают имения и не выигрывают состояния, но за дружеской беседой и чтением собственных стихов время летит быстро.

А в парадной гостиной нежный девичий голос выводит какой-то печальный романс:

*И я знаю, что я тебе нравлюсь,
Как когда-то мне нравился ты.
Отчего же тоска тебя гложет,
Отчего ты так грустен со мной...*

Сгущается сумрак. Шутки становятся острее, смех звонче, а пожатия крепче.

Приглушенный свет лампы чудесным образом преобразует даже лицо уже немолодой хозяйки имения, неверное пламя свечей, попеременно колеблемое ветром, отбрасывает причудливые тени.

А по террасе, тонущей в речном тумане, крались две фигуры. Туда, быстрее, через освещенный огнями маленький палисадник, в темный парк. Тропинка, которую ни за что не найти, если не знаешь здесь каждую пядь земли. Скамейка. Покосившаяся банька. Душистый и опьяняющий запах молодых цветущих лип...

Полина Лапина, 9Г

Практика в Пушкинских Горах

От автора.

Моё эссе - это вспышка воспоминаний, моментов с практики, которые я не могу забыть до сих пор. Оно построено на моих чувствах и посвящается каждому, кто был со мной ту неделю.

«У каждого человека свои звезды»

А. Экзюпери

Если по кому-то скучаешь, посмотри на ночное небо. Кто бы это ни был и где бы он ни находился, есть возможность, что он смотрит на звёзды, как и ты. Иногда Вселенная не так уж и велика. Сейчас я скучаю по тебе, поэтому смотрю на звезды и пишу тебе это письмо, в надежде, что ты вспомнишь все.

Помнишь, как мы болтали до утра, сидя в палатках, шепотом, чтобы никого не разбудить, и как боялись, что к нам в палатку залетит какая-нибудь огромная муха и съест нас? А

когда нас звали на ужин, мы наперегонки бежали до нашего бессмертного маяка - костра и спешили занять самые почетные места и согреться? Помнишь, как мы весело собирали сено, вспоминая разные далекие моменты

нашей жизни, даже не думая, что когда-нибудь будем их

вспоминать? И как мы уставали после долгих «прогулок», а потом лежали на траве, еле дыша от счастья, забыв все на свете. Я помню, что я очень любила наши вечера, когда мы обсуждали Довлатова и «Евгения Онегина». Я знаю, что не блистала на них, сидела где-то сзади, но мне они нравились. Атмосферой. Я чувствовала себя великим писателем, обсуждающим со своими сверстниками *«кхм, а что тут у нас на досуге дня...»*. А помнишь, как в Тригорском мы очищали плитку и радовались легкой работе, скорбно вспоминая о наших одноклассниках, убирающих сено на ярком солнце? И как по вечерам подолгу сидели у костра, пили чай, слушали гитару и не хотели уходить, ссылаясь на то, что не хотим спать, чтобы подольше посидеть в тесном, уютном кругу. Помнишь, какие мы были тогда счастливые? Я помню.

Когда-нибудь всё заканчивается. Странно, но я всегда с нетерпением жду последнего дня, хотя и ненавижу прощаться. Последний день лета, последняя страница книги, расставание с близким другом. Но прощание неизбежно. Листья опадают, ты закрываешь книгу, ты говоришь: «Прощай».

Желаю тебе теплых одеял, руки в руке и горячих чаев в холодные осенние ночи. Я хочу, чтобы ты посмотрел на звезды в ночном небе и вспомнил обо мне и о тех днях, которые мы провели вместе. Где бы я ни находилась, в эту ночь я тоже буду смотреть на небо. Помни об этом.

В Михайловском

Палатки уже поставлены, а обед еще только готовится. Мы с Фаней решили прогуляться к тем зеленым холмам, которые

плавно спускаются к Сороти. Потихоньку отошли от лагеря, а потом стали прыгать по свежей разноцветной траве: чабрец, красные листья земляники... Поднялись на холм, а мне почему-то хотелось обязательно сбежать с него...И мы бежали, упали, чуть не свернув себе ноги, потом возвращались через кусты и высокую траву, где все промокли...

Мы сразу словно окунулись с головой в эту природу и в эту зелень... Это было как наше боевое крещение - наша готовность впитать в себя всё, что эта природа нам даст. Мы с самого начала были душой открыты этой местности, которую нам предстояло пройти, прочувствовать и сродниться с ней.

Дорога, ведущая в Михайловское, стала для меня особенной - мы ходили по ней семь раз! Когда мы на обратном пути заворачивали в лес, где начиналась «дорога, изрытая дождями», я оглядывалась назад, на обрамленное рощами озеро с мельницей

вдалеке, чтобы
посмотреть на него
последний раз. А потом
всегда оказывалось - не
последний...

Я уже знала,
например, что в лесочке
у озера Маленец меня
поджидает «пень-
олень» (так я назвала

его в мыслях) - коряга, издали очень похожая на сидящего оленя. Я нашла земляничную полянку по пути. А сколько раз Пушкин ездил по этой дороге в Тригорское...

Сама усадьба в Михайловском запомнилась мне разве лишь тем, что отапливались только две комнаты - бедный, скромный дом отшельника...

А Тригорское оставило какое-то очень живое впечатление: большой гостеприимный дом, гостиная с фортепьяно, столовая с самоваром, портреты девушек на стенах, множество комнат и комнаток... И парк тоже живой, романтический - извилистые дорожки, где за поворотом открывается новый лесной пейзаж; зеленый танцевальный зал, обсаженный деревьями - мне казалось, вот сейчас выбежит туда озорница Зизи... И мостик через пруд с белыми кувшинками...

Ведь Пушкина в Тригорском ждала большая семья с многочисленными дочерьми, общество Вульфа и Языкова («то смертельно пьяны, то мертвецки влюблены»), музыка, веселье, игры - настоящая жизнь. И дух этой жизни и живости до сих пор везде там чувствуется. Михайловское же - место одиночества

(даже скорее уединения) и жизни духовной, сосредоточения в самом себе. И там Пушкин думал и творил.

Мы не просто заехали в этот край как туристы; нет, мы пожили и прижились здесь. Мы проживали целый день вместе со здешней природой, наблюдая ее. С самого утра, по мере того как солнце поднималось, чтобы высушить росистую траву, мы снимали одну за другой теплые кофты. Вечером набирала яркость луна и словно высвечивала белый туман, заполняющий ложбинки меж холмов у Сороти.

Мы связаны с этими местами нитями пройденных дорог и троп; сеном, которое убирали своими руками, собранной и съеденной земляникой. Мы всё прошли и прочувствовали ногами, глазами и душой.

Мы шли и были наедине с природой. Какие просторы! И виды - глубокие: ты смотришь, глаза уводятся все дальше, и ты втягиваешься в эти дали и растворяешься в них... И сами пейзажи очень приятны для человеческого глаза: глади озер, широкие изгибы реки, поля с холмами... Красота природы здесь соразмерна человеку; она вмещает тебя и принимает в свою гармонию.

И мы действительно видим то, на что смотрел Пушкин, - вот что меня по-настоящему поразило. Всё совершенно так же, и даже *«на влажных берегах бродящие стада»* - вот они... Это удивительное пространство, нетронутое и словно без времени. В нем нет никаких признаков современности, которые мешали бы твоим чувствам и фантазии. Ты можешь представить там

Пушкина, а можешь - домовых или эльфов. (Иногда встречаются места, где вдруг охватывает чувство сказочности: темные аллеи изогнутых, скрюченных деревьев с дуплами в старинном парке Петровского).

Мы никогда не сможем увидеть пушкинскую Москву или пушкинский Петербург. Но Михайловское остается тем кусочком, где мы можем по себе понять, какое расстояние от одной усадьбы до другой, где Пушкин бродил, что видел и, может быть, - что чувствовал... И побывав там, мы ощущаем себя немножко родными Пушкину, чуть-чуть приобщаемся к нему, несмотря на то что очень далеки от него. Кто я Пушкину? И тем не менее, когда я читаю его стихотворения, связанные с Михайловским, это становятся наши общие чувства, картины, воспоминания - мои и Пушкина. И создается какая-то очень личная, сокровенная связь.

Савкина горка. Сядишься на скамейку под березу. Ветер колышет прямо перед тобой нежно-зеленые ветки, плывут облака, где-то внизу синее Сороть... Так хорошо, такой покой, что прямо дух захватывает; никакая суета не занимает мыслей, и ты сидел бы и сидел... Но в тебе невольно рождаются *другие* мысли, и ты чувствуешь в себе искру чего-то высшего, поэтического, что не оставляет тебя в покое и побуждает тебя думать - о людях, о жизни, - пытаться что-то понять или хотя бы выразить свои чувства... И ты, может быть, на один маленький шаг приближаешься к Пушкину-поэту.

Аня Зубкова, 9Г

Пыльная дорога. Утро. Тишина.
Стук колес уходит в бездну. Вечность.
Сквозь завесу сладостного сна
Робкий свет ложится нам на плечи.
Легкий вздох. Вспорхнула бабочка с души,
Как и Пушкин, быстро, безмятежно.
Так Поэт хотел мгновенье жить,
А не вечность в тишине надежды.

Да, хотел быть бабочкой-мгновеньем,
Проскользнуть, оставив вечный след.
Но не вечностью, не вечностью забвенья
Он мечтал быть. Утра полусвет
Раз сгорел, и снова возгорится,
Но теперь уже в людских сердцах.
Время измеряет взмах ресницы.
Пушкинское слово на устах
Будет вечно жить и возгораться,
Будоража дерзкие умы...

Я считала бесконечность станций
До Михайловского тишины,
Где Поэт, прорвав границу- время,
Нам протянет белое перо
И по небу бабочкой-мгновеньем
Проскользнет неслышно. И тепло
От его прикосновений - вечность,
Его жизнь - бездонность, глубина.
Робко тьма ложится нам на плечи.
Пыльная дорога. Тишина.

Мария Семенова, 9Г

Бессонница

Ночь. Песни у костра давно стихли. Он, зевая и закрывая глаза, последний раз призывает сон, эту стихию, ему неподвластную. Он лежит так минут пять, осознавая всю безнадежность своего положения. Потом медленно, стараясь не шуметь, отыскивает рюкзак, словно слепой роется в беспорядочной куче своих вещей, и, не найдя того, что искал, вылезает из палатки.

Холодная сырая мгла окутывает его. Небо заволочло тучами, а утомленный суворовскими переходами лагерь спит. Он пошел к реке.

Что хорошего было сегодня? Что вообще было сегодня? Он не мог отчетливо вспомнить. Куда они сегодня шли? Зачем? Он уже не мог восстановить прошедший день в памяти. Может, из-за усталости - он спал по полтора часа в сутки, а может, потому, что этот день не особенно отличался от других дней, проведенных здесь...

Он шел по шоссе, и его глухие шаги одиноко звучали в сонной тишине. Он напевал, сочиняя на ходу незатейливый мотив.

В памяти мелькали, словно вспышки, обрывки прошедшего дня: где-то высоко светит солнце; горит, накаляясь, бетонная дорога. Разноцветная цепь растянулась так, что ему, идущему впереди, не видно „хвоста“. И вот сейчас только, ночью, он подумал о том, что там, где они проходили, гулял два столетия назад тот человек, ради которого они приехали сюда. Он легко представил себе счастливого, восторженного, совсем еще юного поэта,

очарованного „сельской жизнью, русской баней и клубникой“. И совершенно другого Пушкина, вернувшегося с Юга. Что могла дать поэту глушь псковской деревни? Унылый однообразный пейзаж, одиночество, бесконечные серые дни, чувство загнанности и безысходности. И вот поэт шагает по тропинке вокруг озера, поднимается по дороге „размытой дождями“, а дальше к трем соснам... Идет, идет, идет, чтобы скорее заглушить свое „бешенство“ скуки, которое „пожирает его глупое существование“.

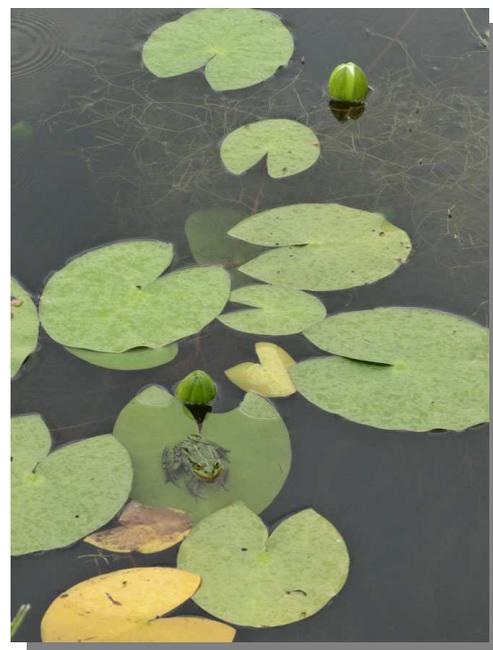
Сколько дорог нужно было пройти, чтобы ненавязчивая красота русской природы, обаяние псковской старины, ласковый шепот старой няни нашли отклик в сердце поэта и он „воскрес душой“.

А сейчас ночь давит тишиной. Впереди виднеется мост через Сороть. Может, вернуться в лагерь или дойти до моста и спуститься к реке? Он останавливается в нерешительности.

Что останется в его памяти? Маленький деревянный домик у дуба, уютная банька, в которой так хорошо сидеть в жаркий летний день, старая липовая аллея, по которой шел влюбленный поэт? Или Савкина горка, где важное и неважное меняются местами.

Он сел у воды, нахлобучив капюшон - в лицо нахально лезла упрямая мошкара. Металлическая гладь воды время от времени покрывалась рябью: рыбы охотилась на водомерок или какую-то другую съедобную жидкость.

Он вновь вернулся мыслями к Пушкину. Конечно, поэт был счастлив в своем сельце Михайловском, вдали от суеты и насмешек света. Здесь не было ничего лишнего, наносного. Счастьем были и муки творчества, когда он сидел „в молдаванской

красной шапочке и халате за рабочим столом”, и общение с милыми обитателями Тригорского. И встреча с другом холодным морозным утром была для него огромной радостью и счастьем, которое он, может быть, и не испытал бы в другом месте и в других обстоятельствах. А в тот день выбежал на заснеженное крыльцо босиком, в одной рубашке, не замечая обжигающего холода.

Хлопанье крыльев взлетающей большой птицы обнаружило только что уплывшую ночную реальность. Он все еще сидит у воды среди шуршащего тростника. Розовые отблески на облаках напоминают о скором рассвете. Все-таки пора возвращаться в лагерь. Он встал и медленно побрел в обратную сторону. Маленькие палатки, разбросанные в высокой траве под пологом темного леса, были едва заметны. Лагерь по-прежнему спал. Закутываясь в холодный спальник, и постепенно согреваясь, он чувствовал, как проваливается в сон.

Темный зал маленького, своего, домашнего кинотеатра. Последний ряд. Так лучше будет виден фильм. На черно-белом экране появляется добрый старик, хранитель заповедника. Он улыбается ребятам, весело размахивая своей единственной рукой. Он оживил эту землю после войны. Он воссоздал ее из пепла, а ведь „восстанавливать труднее, чем строить заново“. Он придал ей смысл. Он донес до нас Пушкина. Домовой...

Павел Сафонов, 9Г

Ночью московской сквозь тёмные вёрсты
Поезд несётся между холмами,
Гуманитариев сонная горстка
Утро выходит встречать, замерзая.

Сладки мечты о прошедшем ночлеге,
Сзади - не крылья, тяжесть - не странно...
Нашим автобус будет ковчегом,
Трав бесконечная даль - океаном.

Искрами лета костёр заиграет,
В нашем жилище тепло и уютно.
Гуманитариев сонных встречая,
Лучиком солнца окрасится утро.

Лента шоссе словно выжжена солнцем,
Виден мираж, мы как будто в пустыне!
Кажется даже, как крестоносцы,
Пушкиногорские ищем святыни.

Серая долго ведёт нас полоска,
Нам, доброхотам, мерещится сено...
Мы - в океане, зелёном и плоском,
А облака - лишь солёная пена.

Носимся между двумя берегами,
Воду и пряностей ищем заморских,
Армии волн вечно гнаться за нами,
Буйных, зелёных, пушкиногорских...

Ветер утих, приближается вечер.
Небо свой огненный глаз закрывает,
Среди деревьев и трав незамечен,
Лагерь усталых детей засыпает.

Снится им мир, где далёкие звёзды
Ночью ведут разговор, не смолкая,
Где, так высоко, печальные сосны
Стонут и шепчут, ветвями качая,

По освещённой луною аллее
Пушкин и Анна долго гуляют,
Горе, печали вместе развея,
В бане полночной они восседают.

Письма Онегину пишет Татьяна,
Целую ночь своих глаз не смыкая,
Белым пятном среди трав и тумана
В зеркало смотрится гладь водяная.

Тень чудесное здесь раздаётся,
Зов заглушая русалочьих песен,
Спящие дети там - лучики солнца,
Что, разлетаясь, мелькают над лесом...

Гуманитариев сонная горстка
Утро выходит встречать, замерзая.
В Пушкиногорье сквозь долгие вёрсты
Поезд несётся, свой путь продолжая...

Даша Зиновьева, 9Г

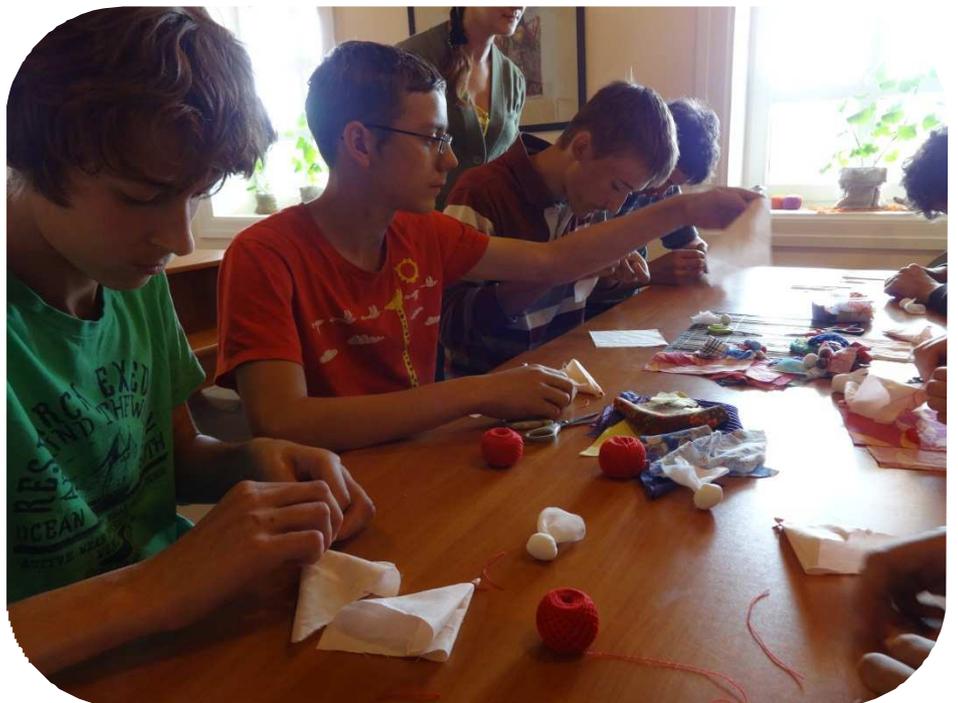
Онегинские строфы

Пишу пером. Село Бугрово.
- Ах, мама, все не передать...
Бродя в михайловских дубровах,
Мы стали Пушкину под стать.
Он здесь гулял, под этой елью...
Пылал камин в пустынной келье -
А мы сидим за костерком...
И «под гитару вечерком»...
И неба - так просторно-много!..
Под ним - холмы, холмы, холмы...
Глаза опустишь - вот и мы,
Волнами стелется дорога...
Косынки пестрые в жару
И шаровары на ветру.

Как неизменный пункт возврата,
Нам лагерь стал и вправду Дом -
Домой, минуя нивы, хаты,
Толпой рассеянной бредем.
Гляжу на пушкинские дали,
Плетусь, стирая все сандалии,
С одной лишь мыслью в голове...
И вижу - ягода в траве!
Она краснеет всплеском жизни...
Дорога будет мне легка,
Теперь дойду наверняка,
Не быть по мне печальной тризне!
Ее сорву, возьму - и в рот!
И отрешусь от всех невзгод...

Аня Зубкова, 9Г

ТРИГОРСКОЕ

Дорога вьется меж холмов,
Уходит в лес, потом к озерам.
Ах, скука, скука! Край отцов -
Кто знал, что будет ссылкой новой?

Дом опустевший, кабинет,
Скрипят в гостиной половицы...
Проклятье!.. Сколько еще лет
Быть здесь - и не видать столицы?

Трость с свистом режет лопухи,
И легок шаг среди колосьев...
Свернуть ли к Вульфам от тоски? -
Они всегда об этом просят.

И вот Воронича гора,
Макушки церкви, колокольня
И барский дом. Сейчас пора
Как раз вечернего застолья.

По центру - важный самовар,
Вокруг - все кружева да глазки,
Над чашкой вьется тонкий пар,
Метнулся взгляд, исполнен ласки.

Алина, Netty и Зизи
Вспорхнули мигом и - к окошку,
Дыханье частое в груди:
«Ах! Он уж вышел на дорожку!

Идет к крыльцу!» - и брошен чай,
Со звоном ложечка упала,
Стул опрокинут невзначай.
«Там Пушкин!» - эхом прозвучало.

Девичьи замерли сердца:
Сейчас войдет!.. Но через мостик,
Вдруг привлечен, мимо крыльца
Шагает долгожданный гость их...

Тенистый парк, обрыв к реке,
Мелькнула тень возле скамейки...
Стук в сердце... Где-то вдалеке
Девичий стан, и лоб, и шейка...

И как бывает наяву,
Страницей новою романа
Раскрылось сердце: «Я живу!
Скажи, как звать тебя?» - «Татьяна».

Елена Всеволодовна Терещенко

Практика в Пушкинских горах

Над нашим лагерем летали самолеты,
Жужжали Карлсоны и аисты парили.
Быть может, посещали Фрекен Бок.
А мы стихи писали в разных стилях,
В ботинки загребали пыль дорог,
Очередные просто доброхоты.

Мы с Аней собирали землянику
На псковском девственном зеленом поле,
И ягоды ссыпались сами в руки,
Свою несчастную всё проклиная долю.

Мы от куста к кусту переползали,
С азартом легким всматриваясь в зелень,
Не больше горсти от природы брали,
И - с наслаждением эстета - ели.

Река раскинулась, течет, грустит лениво,
Блестя кокетливо водой бензинно-жирной,
А под мостом, в обнимку с кружкой пива,
Босой строитель матерится мирно.

На эту речку мы ходили мыть посуду.
Полина на руки печально надевала
Перчатки до локтей, брезгливо груду
Ножей и вилок в воду мутную роняла.

Так жили мы. Мы, что не очень странно,
Все были грязны, но до ужаса довольны,
Мечтали лишь о фруктах, полной ванне
И комнате родной в Первопрестольной.

Фаина Даниэль, 9Г

Вот усадьба и село,
Пушкин, счастье и гумно,
И качели, и птенцы
Посредине всего - ты!

Я готова петь всю ночь,
Мельнику хочу помочь,
Просто счастье, ты пойми!
Балалайка, пляска, мы!

Куклы, перья, пироги,
Тяпки, грабли и кусты.
Вот счастливая работа!
Вот работа ДОБРОХОТА!

Фая Мовчан, 9Г

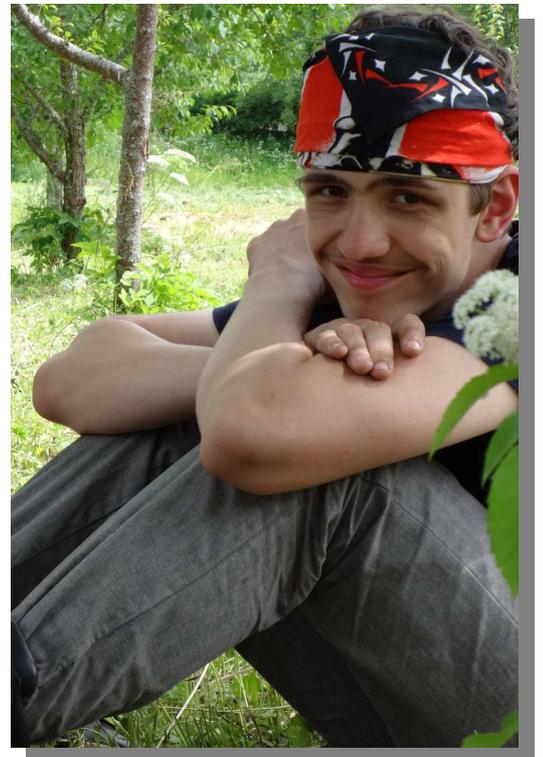

«Не будь я ученик гумкласса,-
Себе под нос я рассуждал, -
Коль про сей чудный заповедник
Ни разу в жизни не слышал».
Учиться новому готовы,
В округу радостного Пскова
Мы направлялись, торопясь,
В Михайловское двигаясь.
Предавшись транспортному бегу,
Мы долго в поезде тряслись,
Потом в автобусе неслись,
Но снова сладкой лени негу
Педаната трубный глас прервал
И в лес наш класс войти призвал.

На лоне северной природы
Под мерный гул бензопилы,
Прельщённые своей свободой,
Свой лагерь расставляли мы.
Та равнодушная природа
К нам равнодушна не в погоде:
Нас то из шланга обольёт,
То голову, как в пекле, жжёт,
Когда пылим мы по дороге,
К музеям Пушкина стремясь
И, как строитель, ругаясь,
Родные истязая ноги.
Сей неприятный поворот
Не украшает наш поход.

Надев широкий дождевик,
В музей гуманитарий входит,
А там уж длинный свой язык
Экскурсовод чесать подходит.
Чреду из длинных зал минуя
И по палатке уж тоскуя,
Мы смотрим ручки от карет
И думаем: «Когда ж обед!?»
Экскурсовод, как архидьякон,
Веденьем службы поглощён,
Расскажет про мужей и жён
И в парк поманит властным знаком.
Себя я чувствую порой
Паломником в земле святой.

Вопрос Довлатов как-то ставил,
Как можно Пушкина любить?
- И это тяжело представить,
Дня три лишь в лагере пожив.
Кто есть для нас тот Пушкин странный,
Восторгом тысяч осиянный?
Отец ли, сын ли, дух святой?
Иль исторический герой?
Пусть на вопрос не дав ответа,
И мнение своё тая,
Вам выбирать позволю я,
Да и ответа, в общем, нету.
Кто историчным рад цветам,
Кто просто ходит по местам.

До старых лет мы не запомним
Музеев гордый строгий вид,
Избу, покрытую соломой,
От опозданий глупый стыд.
За это буду я судим, но
Руси пейзажи повторимы,
И панорамы на сто лет
Оставят мне лишь блеклый след.
Но я запомню навсегда
Весёлую в полях работу,
Учителей о нас заботу,
Следы довольства и труда.
Мне быть невеждой остаётся,
Но Пушкин так и познаётся.

Даниил Игнатъев, 9Г

